

УДК 327.83

Гражданское общество Китая в контексте теории «мягкой силы»

Ковба Дарья Михайловна

Младший научный сотрудник отдела философии,
Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
620990, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16;
e-mail: dmkovaljova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию состояния гражданского общества КНР и его влияния на потенциал «мягкой силы». Автор предлагает собственное определение концепта «мягкой силы» как способа осуществления власти, подразумевающего создание благоприятной среды для успешного осуществления политических действий, и выделяет основные характеристики исследуемого концепта. Одной из важнейших характеристик «мягкой силы» является невозможность ее полного контроля со стороны государства, так как большая ее часть создается благодаря деятельности неправительственных организаций. Автор утверждает, что китайские власти пытаются обойти это положение, устанавливая контроль над отечественными и иностранными неправительственными организациями. Спецификой китайского дискурса «мягкой силы» является понимание культуры как «ядра» «мягкой силы» и использование государственно-ориентированного подхода. Власти КНР поощряют деятельность организаций гражданского общества, занятых социальными вопросами и подозрительно относятся к организациям, стремящимся к решению политических проблем.

Для цитирования в научных исследованиях

Ковба Д.М. Гражданское общество Китая в контексте теории «мягкой силы» // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 4А. С. 197-205.

Ключевые слова

Гражданское общество, «мягкая сила», Китай, неправительственные организации.

Введение

Изменения международной среды на рубеже XX и XXI веков, связанные с глобализацией и появлением новых революционных технических средств связи, побудили исследователей к пересмотру понятий власти, властных отношений и ресурсов, а политиков – к поиску новых эффективных форм влияния. Одним из ответов на такой запрос стала теория «мягкой силы», появившаяся в Соединенных Штатах в 1990 году. На сегодняшний день можно утверждать, что концепт прочно закрепился в политологическом и политическом дискурсах. Автор концепта, американский политолог Дж. Най, противопоставляет «жесткую силу» принуждения «мягкой силе» привлечения. При этом наиболее вероятными ресурсами «жесткой силы» являются силовое давление, санкции, платежи и подкуп, а ресурсами «мягкой силы» – использование институтов при установлении повестки дня, распространение ценностей, культуры, проведение легитимной политики для создания привлечения [Nye, 2010].

«Мягкая сила»: поиск оптимальной политической стратегии

Несмотря на множество попыток автора концепта разъяснить его значение, в научной литературе не сложилось единства при определении «мягкой силы». Анализ работ Дж. Ная показывает, что, во-первых, концепт не сводится к одной лишь идее привлечения, а, во-вторых, не продуктивно давать негативное определение «мягкой силы» (то есть через противопоставление «жесткой силе»). Для того чтобы не упустить ни одного аспекта концепта, будем определять «мягкую силу» как способ осуществления власти, подразумевающий создание благоприятной среды для политических действий и включающий в себя три измерения: 1) привлечение, ведущее к согласию или подражанию; 2) способность устанавливать легитимную повестку дня, а также набор выгодных правил и институтов; 3) формирование предпочтений населения.

Основными характеристиками «мягкой силы» являются следующие позиции:

- 1) ситуативность применения, важность учета целевой аудитории (одни и те же ценности, культурные инициативы и политические акции могут благоприятно оцениваться в одних регионах мира и вызывать отторжение в других);
- 2) долгосрочность применения (для максимальной эффективности «мягких» действий важны стратегическое видение, преемственность и последовательность курса);
- 3) необходимость материальной базы для нематериальной «мягкой силы» (высококвалифицированные кадры, развитая инфраструктура, музейные фонды, развитие науки и техники, образовательные программы и так далее);
- 4) невозможность полного контроля «мягкой силы» государством, потому что часть

«мягких» ресурсов образуют ОГО (организации гражданского общества), коммерческие предприятия.

Последняя из указанных позиций нередко упускается из виду при разработке стратегий «мягкой силы». Это может привести к снижению эффекта от приложенных усилий. Негосударственные агенты «мягкой силы» вносят вклад в общий потенциал «мягкой силы» страны только в том случае, когда они ассоциируются с этой страной, а их идеология и интересы не противоречат идеологии и интересам государства. Таким образом, инициативы отдельных НПО (неправительственных организаций) могут снизить или повысить «мягкую силу» страны.

Дж. Най утверждает [Nye, 2004], что сегодняшняя эпоха характеризуется растущей ролью НПО на мировой арене. Многие из них играют роль «глобальной совести». Они разрабатывают новые нормы, убеждают правительство и бизнес изменять политику. Кроме того, они действуют косвенно, меняя общественные представления о том, как должны функционировать правительство и бизнес. НПО являются частым источником и поводом новостей, важным игроком медиа-среды. Некоторые НПО имеют хорошую репутацию, пользуются доверием аудитории, что дает им значительный потенциал внутригосударственной или международной «мягкой силы». Другие могут испытывать недостаток доверия граждан, но все-таки способны мобилизовать граждан на демонстрации, на которые обратит внимание правительство. Таким образом, сегодня государства остаются основными акторами мировой политики, но вынуждены делить внимание аудитории с другими игроками.

«Мягкая сила» с китайской спецификой

Концепт «мягкой силы» создавался для решения вполне прагматичной задачи – разработки способа увеличения власти США на мировой арене, поэтому особенный интерес представляет то, как незападный мир адаптирует данную теорию под свои нужды.

Так, процесс «китаизации» концепта «мягкой силы» характеризуется системностью, инновационностью и масштабностью [Тарабарко, 2016, 183]. «Мягкая сила» по-китайски должна служить задаче строительства социализма, улучшать имидж государства, создавать благожелательно настроенную международную среду и решать внутренние проблемы.

В КНР сложились две основных школы, в рамках которых ведется исследование «мягкой силы»: «культурная школа» и «политическая школа». Представители первой школы, составляющие большинство, следуют спущенной сверху установке о том, что ядро «мягкой силы» составляет культура [Sun Sao-Cheng, 2011, 57]. «Политическую школу» возглавляют эксперты в области международных отношений, которые исследуют мобилизующую роль «мягкой силы» в области внутренней и внешней политики. Они предлагают политикам сосредоточиться на укреплении стратегической репутации Китая [Борох, 2007, 48].

Двумя ключевыми особенностями китайского понимания стратегии «мягкой силы» являются использование культуры как основного элемента «мягкой силы» и применение государственно-ориентированного подхода. Именно эти два обстоятельства приводят к тому, что упускается из вида та часть «мягкой силы», которая не поддается контролю государства, образуется стихийно и частично снижает «мягкий» потенциал страны.

На «мягкую силу» КНР негативно влияют такие позиции, как нарушение прав человека, тибетский вопрос, замалчивание проблем, коррупция, непрозрачность правительственного аппарата, несоответствие провозглашенного курса и практики. Кроме того, китайские НПО не присутствуют на международной арене, что уменьшает доверие к сообщениям правительства, снижает эффективность обратной связи, затрудняет проведение общественной дипломатии. Государство является основным инициатором большинства инициатив общественной дипломатии. Несмотря на большие вложения в развитие СМИ, зрителей у китайского телевидения в других странах мира немного. Китай имеет дело с растущими ожиданиями со стороны мирового сообщества: вместе с ростом экономической мощи общественность ждет конкретных шагов на пути к развитию гражданского общества, соответствию международным стандартам, демократизации.

Особенности развития гражданского общества в Китае

Несмотря на активную критику, в КНР по мере осуществления реформ все же происходит развитие гражданского общества, которое становится важным фактором политической, экономической и социальной жизни. Историю развития гражданского общества в Китае можно свести к процессу постепенного ухода всемогущего «государства» из рыночной и социальной сфер. Эволюция отношений между государством и обществом в Китае, начиная с 1949 г., прошла четыре стадии [Цзя Сицинь, www]:

- 1) тотальное интегрирование общества со стороны государства после образования КНР;
- 2) появление индивидуального пространства, возрождение общественных объединений с начала перехода к политике реформ и открытости с конца 1970-х гг. и до 1989 г.;
- 3) дальнейшее расширение экономического пространства по инициативе государства и относительное сокращение социального пространства с 1989 г. по конец 90-х гг.;
- 4) с конца 90-х гг. по настоящее время – развитие гражданского общества, характеризующееся увеличением плюрализма и постепенной институционализацией ОГО.

Интересно, что процесс развития гражданского общества происходит не столько снизу, сколько сверху: в академической среде принято употреблять термин «культивирование» гражданского общества. Под культивированием понимается поощрение развития таких

неправительственных организаций, как общин микрорайонов, общественных организаций, различных групп населения на низовом уровне. Благодаря деятельности таких НПО, у людей, далеких от официальных каналов влияния, появляется шанс принять участие в реформах и управлении, высказывать свое мнение [Ван Ин, www]. Кроме того, большинство крупных ОГО, деятельность которых выходит за пределы округа, основано правительством и находится под его руководством.

Другими чертами ОГО в Китае являются следующие: достаточно высокая степень зависимости от правительства, нахождение на стадии переходного периода (такие характерные особенности, как самоуправляемость, добровольность, самостоятельность еще не стали правилом), неравномерность развития (существуют значительные различия в статусе, степени влияния между различными общественными организациями) [Yu Keping, www].

Китайские ОГО характеризуются тем, что процесс их институционализации еще не завершился. В последние годы проводятся меры, призванные стимулировать НПО получать государственную регистрацию. В основном, правила либерализации НПО касаются организаций, занятых решением социальных проблем. Организации, участвующие в политической пропаганде, находятся под подозрением государства. Правозащитные организации, группы содействия религиозным и этническим правам остаются под запретом [Beneath the glacier, 2014]. Такой курс объясняется тем, что Коммунистическая партия Китая осознает необходимость удовлетворения социальных потребностей для сохранения стабильности, но стремится не допустить нестабильность в области политики.

Политика в отношении иностранных НПО в Китае

С 2014 г. в КНР начался процесс разработки законодательства в области регулирования деятельности зарубежных НПО. До этого времени не существовало единых правил, которые бы затрагивали деятельность таких организаций. Многие иностранные НПО не были зарегистрированы и работали без постоянных отделений, фиксированного штата сотрудников.

28 апреля 2016 г. был принят «Закон об управлении деятельностью иностранных неправительственных организаций в материковой части Китая» (вступает в силу 1 января 2017 г.). Согласно третьей статье закона, иностранным НПО разрешается проводить мероприятия, полезные для развития общественного благосостояния в таких областях, как экономика, образование, наука, культура, здравоохранение, спорт, охрана окружающей среды, облегчение бремени нищеты и ликвидация последствий стихийных бедствий. Их деятельность не должна затрагивать политическую или религиозную сферы. Данный закон обязывает иностранные НПО проводить процедуру регистрации и открывать представительства. Кроме того, ужесточается контроль над финансовой деятельностью: иностранные НПО должны регулярно представлять

отчеты о доходах и расходах [Law on the management..., 2016].

Интересно, что в число областей, в которых могут работать зарубежные НПО, не включена деятельность, связанная с областью права, поэтому закономерно возникает вопрос о статусе и судьбе многих организаций, например, Фонда Форда или Американской ассоциации юристов.

Если иностранные НПО ставят под угрозу национальное и этническое единство, государственную безопасность, наносят ущерб национальным интересам, то, согласно сорок седьмой статье закона, их персонал понесет уголовную ответственность [ibid.].

16 марта 2016 г. был принят «Закон о благотворительности». В нем также содержится запрет на проведение действий, содержащих «угрозу национальной безопасности или общественному интересу» [Hasmath, 2016]. Эта формулировка может быть использована государственными органами для обоснования расследования или прекращения деятельности организаций. Оба закона (о благотворительности и об иностранных НПО) позволяют уменьшить влияние иностранных акторов на внутреннюю политику, обеспечить подотчетность и предсказуемость деятельности гражданского общества страны.

Иностранные НПО действительно часто используются государствами как средство для распространения своей «мягкой силы» посредством продвижения ценностей и норм. Часто практика подтверждает такие опасения. Например, ученый Бенни Тай, профессор права в Гонконгском университете, побуждавший молодежь к антиправительственным выступлениям, в течение многих лет сотрудничал с Национальным демократическим институтом (NDI), фактически финансируемым Государственным департаментом США. Еще одним примером является финансирование Национальным фондом демократии (NED) ряда уйгурских НПО с целью дестабилизация обстановки в провинции Синьцзян [Draitser, 2015].

Заключение

Таким образом, перед Пекином сегодня стоит задача развития «мягкой силы», поощрения становления гражданского сектора. Она осложняется одновременными попытками противостояния влиянию иностранных агентов. Пока эта деятельность идет с сильными перекосами: активная борьба с внедрением иностранных идеологий и усиление контроля Коммунистической партии Китая над обществом не способствуют повышению «мягкой силы» страны. С другой стороны, относительная молодость китайского гражданского общества, запущенный процесс его институализации и периоды ослабления контроля дают надежду на более оптимистичную картину.

Библиография

1. Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая // Pro et Contra. 2007. № 6. С. 41-60.
2. Ван Ин Культивирование гражданского общества. URL: http://ru.theorychina.org/xsqr_2477/201209/t20120920_234763.shtml
3. Тарабарко К.А. «Мягкая сила» культуры: эволюция концепции в трудах китайских ученых // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7. С. 181-184.
4. Цзя Сицзинь Развитие гражданского общества и политическая реформа в Китае. URL: http://ru.theorychina.org/xsqr_2477/201209/t20120919_234673.shtml
5. Beneath the glacier // The Economist. 2014. URL: <http://www.economist.com/news/china/21600747-spice-political-clampdown-flourishing-civil-society-taking-hold-beneath-glacier>
6. Draitser E. China's NGO law: countering Western soft power and subversion // New Eastern Outlook. URL: <http://journal-neo.org/2015/07/25/china-s-ngo-law-countering-western-soft-power-and-subversion/>
7. Hasmath R. The pros and cons of China's NGO laws // The Diplomat. 2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/03/the-pros-and-cons-of-chinas-ngo-laws/>
8. Law on the management of foreign non-governmental organizations' activities within Mainland China // China Law Translate. 2016. URL: <http://chinalawtranslate.com/2016-foreign-ngo-law/?lang=en>
9. Nye J. The Future of power. N.Y.: Public Affairs, 2010. 320 p.
10. Nye J. The Rising Power of NGO's // Project syndicate. 2004. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-rising-power-of-ngo-s?barrier=true>
11. Sun Sao-Cheng. The approaches of China's soft power strategy // WHAMPOA – An interdisciplinary Journal. 2011. № 61. P. 53-64.
12. Yu Keping. The emerging of China's civil society and its impact on governance // Asienhaus. URL: http://www.asienhaus.de/public/archiv/China-CS_YK.pdf

Civil society of China in the context of soft power theory**Dar'ya M. Kovba**

Junior Researcher,

Institute of philosophy and law, Ural branch of the Russian Academy of Sciences,

620990, 16, Sophia Kovalevskaya st., Ekaterinburg, Russian Federation,

e-mail: dmkovaljova@mail.ru

Abstract

The subject of article is an investigation of civil society's characteristics in China and its impact on the soft power potential. The author offers his own definition of soft power concept as a way of exercising power, implying the creation of an enabling environment for the successful implementation of political actions. He claims that one of the most important characteristics of soft power is the impossibility of its full control by the state, since most of it is created thanks to the activities of non-governmental organizations. The study showed that Chinese authorities are trying to circumvent this situation by establishing control over domestic and foreign non-governmental organizations. Specificity of the Chinese soft power discourse is the understanding of culture as a «core» of soft power and the use of a state-oriented approach. In short, Chinese government encourage the activities of civil society organizations engaged in social issues, but are suspicious of organizations seeking to resolve political problems.

For citation

Kovba D.M. (2017) Grazhdanskoe obshchestvo Kitaya v kontekste teorii "myagkoi sily" [Civil society of China in the context of soft power theory]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (4A), pp. 197-205.

Keywords

Civil society, soft power, China, non-governmental organizations.

References

1. *Beneath the glacier* (2014). Available at: <http://www.economist.com/news/china/21600747-spite-political-clampdown-flourishing-civil-society-taking-hold-beneath-glacier> [Accessed 12/02/2017].
2. Borokh O., Lomanov A. (2007) Skromnoe obyanie Kitaya [Modest charm of China]. *Pro et Contra*, 6, pp. 41-60.
3. Draitser E. (2015) *China's NGO law: countering Western soft power and subversion*. Available at: <http://journal-neo.org/2015/07/25/china-s-ngo-law-countering-western-soft-power-and-subversion/> [Accessed 22/01/2017].
4. Hasmath R. (2016) *The pros and cons of China's NGO laws*. Available at: <http://thediplomat.com/2016/03/the-pros-and-cons-of-chinas-ngo-laws/> [Accessed 16/01/2017].
5. *Law on the management of foreign non-governmental organizations' activities within Mainland China* (2016). Available at: <http://chinalawtranslate.com/2016-foreign-ngo-law/?lang=en> [Accessed 2/02/2017].
6. Nye J. (2004) *The Rising Power of NGO's*. Available at: <https://www.project->

syndicate.org/commentary/the-rising-power-of-ngo-s?barrier=true [Accessed 12/02/2017].

7. Nye J. (2010) *The Future of power*. N.Y.: Public Affairs.
8. Sun Sao-Cheng (2011) The approaches of China's soft power strategy. *WHAMPOA – An interdisciplinary Journal*, 61, pp. 53-64.
9. Tarabarko K.A. (2016) “Myagkaya sila” kul'tury: evolyutsiya kontseptsii v trudakh kitayskikh uchenykh [“Soft power” of culture: the evolution of the concept in the writings of Chinese scientists]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 7, pp. 181-184.
10. Jia Xijin. *Razvitie grazhdanskogo obshchestva i politicheskaya reforma v Kitae* [Development of civil society and political reform in China] Available at: http://ru.theorychina.org/xsqy_2477/201209/t20120919_234673.shtml [Accessed 10/02/2017].
11. Wang Ying. *Kul'tivirovanie grazhdanskogo obshchestva* [Cultivation of civil society]. Available at: http://ru.theorychina.org/xsqy_2477/201209/t20120920_234763.shtml [Accessed 2/02/2017].
12. Yu Keping. *The emerging of China's civil society and its impact on governance*. Available at: http://www.asienhaus.de/public/archiv/China-CS_YK.pdf [Accessed 12/02/2017].